

пожар революционной войны среди рабов и колонов Балканского полуострова и туземного фракийского и мезийского населения, порабощенного римлянами. Восстание носило стихийный характер. Народный гнев со страшной силой обрушился на поработителей. Аммиан Марцеллин, хотя и враждебно настроенный к движению, рисует потрясающую картину этого народного гнева: „Знатнейшие римские мужи, матроны, юноши и девушки уводились за Дунай как рабы, их гнали бичами, связанных, как диких зверей, а они были недавно богаты и свободны. Вмиг лишились богатые и семьи и дома, тлевшего в пепле.“⁷ Битва при Адрианополе, истребившая „цвет“ римского войска, передала провинции в руки восставших и явилась кульминационным моментом революции на Дунае.

Одновременно с революцией на Дунае вспыхивает широкое и столь же опасное для империи восстание рабов и колонов в Малой Азии. Это движение было особенно опасно еще потому, что посланные на усмирение восстания варварские войска перешли на сторону восставших. Революционное брожение охватило и восточные провинции империи — Сирию, Палестину, Египет, где ожесточенная классовая борьба часто принимала формы религиозных ересей. Восточная Римская империя была на краю гибели. Однако широкое революционное движение на Балканах, в Малой Азии и в других частях государства привело к сплочению всех сил рабовладельческой Восточной Римской империи вокруг правительства Феодосия. Рабовладение на Востоке оказалось еще достаточно сильным, чтобы вынести даже такой мощный удар, какой был нанесен революционным взрывом конца IV в. Да и сам кризис рабовладельческого способа производства на Востоке в конце IV—начале V в. был еще не таким острым, как на Западе. Рабовладельческая верхушка Восточной Римской империи была еще достаточно могущественной для борьбы с этой волной революции рабов и колонов.

Стойкость рабовладельческой верхушки объясняется ее гораздо большей сплоченностью, чем на Западе, и ее тесной связью с торговыми слоями города. Восток не знал такого катастрофического спада производительных сил, возвращения к натуральному хозяйству, упадка городов, дробления страны на хозяйственно замкнутые мирки, которые отмечают кризис рабовладельческого строя на Западе. Рабовладельческий мир Запада хозяйственно и политически распался еще до окончательного своего распада на „варварские государства“. В Восточной Римской империи крупное земельное владение не превратилось в самодовлеющий хозяйственный организм, покупающий лишь предметы роскоши и не связанный с городом и рынком. Здесь крупные землевладельцы были живейшим образом втянуты в торговый оборот империи, так как большие города нуждались в значительном количестве сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, на Востоке были сильные группы, заинтересованные в сохранении экономической и политической цельности империи, в сохранении рабовладельческого строя.

Все это привело к тому, что первая волна революции рабов и колонов в Восточной Римской империи в конце IV—начале V в. была подавлена. Больше того, господствующие классы Восточной Римской империи не только перешли в наступление против революции рабов и колонов у себя, на Востоке, но и попытались задушить, опираясь на остатки рабовладения, победоносную революцию на Западе. В ярком свете гениальной сталинской концепции революции рабов и колонов вся деятельность Юстиниана предстает перед нами совершенно по-новому — как

⁷ Аммиан Марцеллин, XXI, 8, 7, 6.